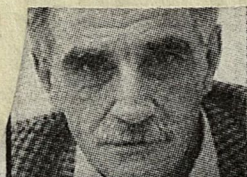

Неелова Марина

06.10.04

«Традиций древних не отрину, / Не пос
Тебе, презренная свинина, / Не осквер

Газета - 2004 - 6018

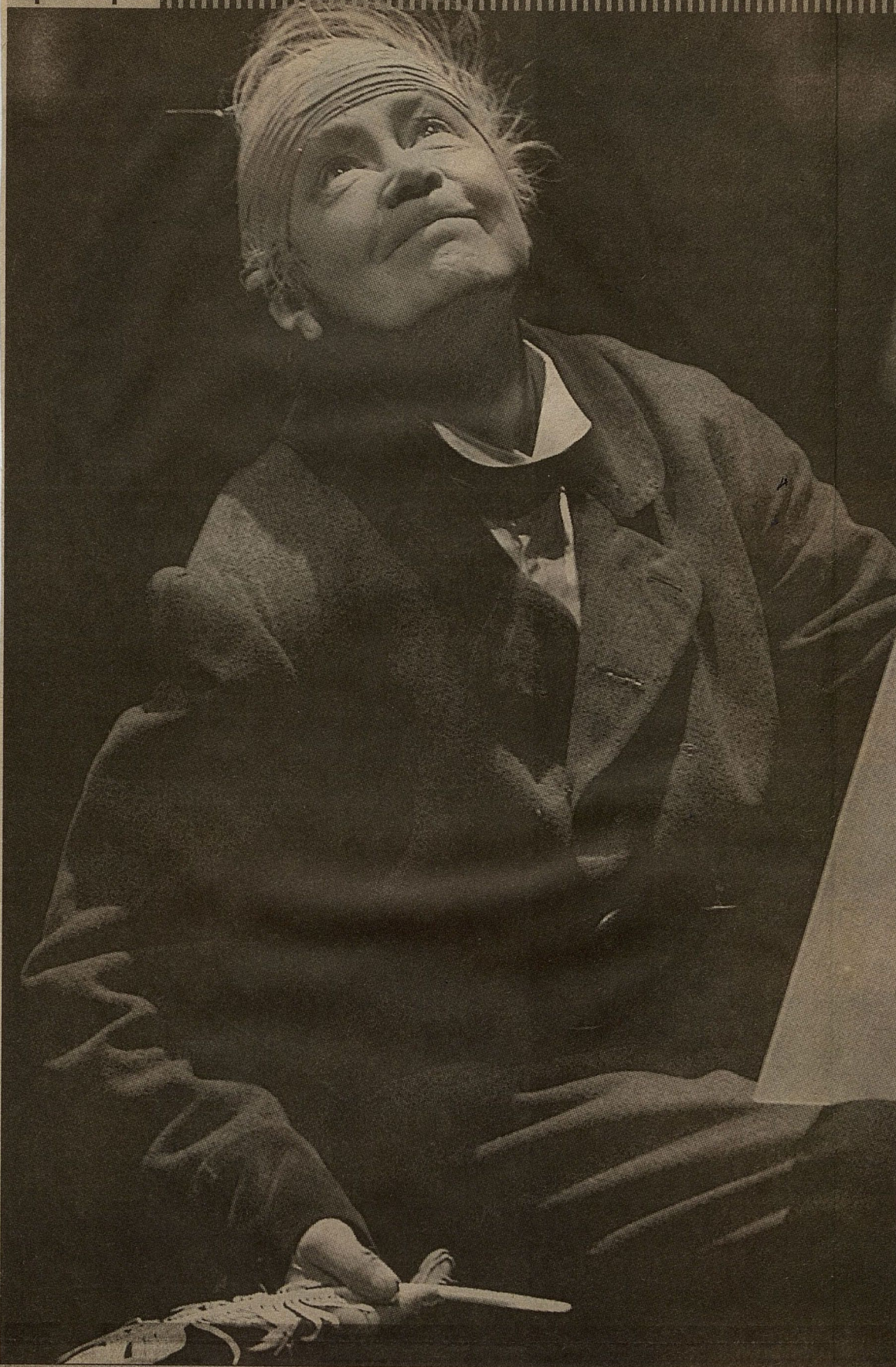
09 бизнес

Фотограф: Михаил Гутерман

Давным-давно Марина Неелова сказала, что иногда представляет себя белым листом бумаги, на котором каждый режиссер волен изобразить все что пожелает — хоть иероглиф, хоть рисунок, хоть длинную заковыристую фразу... А может, кто и кляксу сгоряча посадит. Зрителям, которые соберутся на сегодняшнюю премьеру «Шинели» в театре «Современник», возможно, померещится, что на свете и вовсе нет женщины по имени Марина Мстиславовна Неелова, что ее мягким ластиком начисто стерли с ватмана мироздания и нарисовали вместо нее совсем другое существо. Существо, хоть и зовется Акакием Акакиевичем, нисколько не сходствует ни с мужчиной, ни с женщиной, ни вовсе с человеком. В спектакле Валерия Фокина г-на Башмачкина по имени-отчеству никто и не окликнет ни разу. Да ему вообще-то и разговаривать особо не с кем — с шинелью своей разве что, но ведь шинели, как правило, не слишком словоохотливы. Марина Неелова стала первой актрисой, взойшедшей на «Другую сцену» «Современника», выстроенную рядом с основным зданием на Чистых прудах. Этот незаурядный бенефис сразу же превратил открытие новой площадки в серьезное московское событие.

премьера

Распознать Марину Неелову в этом скрюченном недотыкомке по фамилии Башмачкин не так уж и просто Фотограф: Михаил Гутерман

Неелова Марина
(актриса)

6.10.04

В ТЕНИ ШИНЕЛИ

Марина Неелова сыграла Башмачкина

Газета - 2004 - 6 окт. - с 13.

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Марина Неелова станет первой актрисой, что выйдет к зрителю на «Другой сцене» «Современника». Сцена эта — маленькая, компактная, по последнему слову техники обустроенная — только-только открылась для публики рядом с главным зданием театра на Чистых прудах. Более достойного начала для новой площадки, чем сегодняшняя премьера «Шинели» в постановке Валерия Фокина, трудно было бы и придумать.

Как ни относиться к режиссерским опытам Галины Борисовны Волчек, с каким скепсисом критика ни встречай кое-какие современниковские спектакли, глупо было бы не признать: эта женщина хоть и со сложным характером, но строитель театра незаурядный. В последние сезоны ее театр сделал лишь несколько стремительных шагов вперед, начав приглашать к себе самых любопытных режиссеров со стороны, но и этих шагов достаточно, чтобы согласно кивнуть. Вместо тихой, покрывшейся ряской заводи, какой был «Современник» еще короткое время назад, сегодня мы наблюдаем театр динамичный и не чурающийся эксперимента. Вчера были Римас Туминас, Кирилл Серебренников, Нина Чусова, Анджей Вайда. Завтра ждут украинского скандал скандаляча Андрия Жолдака (спектакль «Вся жизнь впереди» предназначен как раз для «Другой сцены», а главную роль сыграет сама Волчек). Сегодня и сейчас — Валерий Фокин и его «Шинель».

Фокина, конечно, гостем называть нелепо. Он для театра свой человек и в былые годы заполнял современниковскую афишу немалым числом спектаклей. Да и актеров местных знает наизубок — достаточно припомнить, как здорово он сработался с Авангардом Леонтьевым в легендарном гоголевском спектакле «Нумер в гостинице города NN». А еще ведь была и «Старосветская любовь» с актрисой «Современника» Лией Ахеджаковой и украинским гастролером Богданом Ступкой — спектакль пусть неоднозначный, но любопытный.

И вот снова Гоголь. Снова «Современник». Когда-то давным-давно Марина Неелова сказала, что иногда представляет себя белым листом бумаги, на котором каждый режиссер волен изобразить все, что пожелает — хоть иероглиф, хоть рисунок, хоть долгую заковыристую фразу. Может, кто и кляксу сгоряча посадит. Зрителю, который заглянет на «Шинель», возможно, помешается, что на свете вовсе нет женщины по имени Марина Мстиславовна Неелова, что ее мягким ластиком начисто стерли с ватмана мироздания и нарисовали вместо нее совсем другое существо. Седенькое, жидковолосое, вызывающее во всяком, кто поглядит на него, и гадливое омерзение, и магнетическую тягу.

Существо, хоть и зовется Акакием Акакиевичем, нисколько не сходствует ни с мужчиной, ни с женщиной, ни вовсе с человеком. Марина Неелова стала очередным наколотым на булавку экспонатом в коллекции фокинских недотыкомок. Среди преды-

дущих недотыкомок — и Константин Райкин как Грегор Замза, и Алексей Девотченко, сыгравший Хлестакова в спектакле Александринского театра как настоящую нечисть. В спектакле Валерия Фокина г-на Башмачкина по имени-отчеству никто даже и не окликнет ни разу. Да ему и разговаривать особо не с кем. С шинелью своей разве что, но ведь шинели, как правило, не слишком словоохотливы. Если, как намекает нам режиссер, загодя исключить Акакия Акакиевича из числа людей, то окажется, что «Шинель» — совершенно безлюдный спектакль. Валерий Фокин населил пространство буквами и тенями. За буквы, звучащие на разные голоса, отвечает Андрей Котов со своим ансамблем «Сирин», тенями заведует создатель театра «Тень» Илья Эппельбаум.

Милые, милые буковки — вот кто единственно вступает в долгие нескончаемые беседы с Акакием Башмачкиным. «Мило-сти-вый го-су-дарь», — любовно выпевает он, орудуя пером, а за сценой этим «ми» и «соль» вторит «Сирин». За все время спектакля Неелова, кажется, ни единого слова не произносит слитно: все в речи Акакия Акакиевича распадается на невнятные, дрожащие, непонятно каким макаром сопрягающиеся друг с дружкой буковки. На экране мелко дрожат тени «ш», «и», «н», «е», «л», «б», а сам скрюченный, искореженный Башмачкин похож на тень какой-то совсем завалящей и никому не нужной в этом мире буквы. Ну, например, буквы «ерь» в имени Елизаветы Воробей.

Сам Валерий Фокин — режиссер с почерком столь каллиграфическим, что для толкования его спектаклей совершенно не нужна помощь графологов. Поэтому смысл его «Шинели» можно коротко пересказать любому знакомому буквально в двух фразах. Старая потертая шинель есть уродливая, пахнущая мертвечиной реальность (из нее, как из утробы, вылезет к нам Башмачкин и в нее же, как в могилу, рухнет в финале), а новая — метафора «новой жизни», которую так и не дано обрести человеку, что бы ни думал об этом сам Гоголь. Гораздо сложнее пересказать приятелю, в каком страшном полутанце двигается по сцене Неелова, какую жуть навевают ее лукаво ворочающиеся белки и улыбка, схожая разве что с улыбкой Будды. Да и стоит ли пересказывать? Пускай сам идет сморит, если хочет.